

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ В СССР В 1920-1930-е ГОДЫ

© 2006 О.В. Иванова

Российский институт культурологии, г. Москва

В статье анализируются особенности социокультурной адаптации политэмигрантов в СССР в 1920–1930-е годы. Освещается деятельность организаций, способствовавших интеграции иностранцев в советское общество. Раскрывается адаптивный опыт известных политэмигрантов (Ф. Платтена, К. Никсдорфа, Р. Бартини). Отмечено, что репрессивная политика стала не только адаптивным барьером для большинства политэмигрантов, но и привела к тому, что у многих из них адаптация сменилась дезадаптацией.

В первые десятилетия XX столетия Россия в силу ряда исторических причин стала центром мощных миграционных процессов. Накануне Первой мировой войны, и особенно в годы революции и Гражданской войны, страну покинули огромные массы людей. По подсчетам современных историков, численность только так называемой “белой эмиграции” определяется в пределах от 1850 тыс. до 2 млн человек¹. Это был главнейший, но не единственный миграционный поток.

“Великий русский эксперимент”², начатый большевиками в октябре 1917 г., вызвал к жизни такие миграционные процессы, которые были в прежние годы мало характерны для истории Российского государства. Советская Россия на относительно короткий исторический срок стала страной-реципиентом. Кратко характеризуя миграционные потоки этого периода, российский историк С.В. Журавлев отмечает, что “в 1920-е гг. преобладающей была политэмиграция в СССР, всплески которой совпадали по времени с неудачными попытками революционных выступлений в Германии, Венгрии и других странах. Активные участники этих событий подвергались преследованиям на родине и получали политическое убежище в СССР”³.

Вопрос об общей численности политических эмигрантов до настоящего времени остается открытым. Дело в том, что далеко не все иностранцы, эмигрировавшие в Советскую Россию, имели официальный статус политэмигрантов. В документах высших партий-

ных органов было четко определено, что “политической эмиграцией называется эмиграция революционного деятеля лишь в том случае, если прямое преследование его буржуазным правительством страны за его революционную деятельность не дает ему возможности не только продолжать свою революционную деятельность, но и вообще оставаться в данной стране при данной обстановке (угроза смертной казни, долголетнего заключения и т.п.)”⁴. В соответствии с данным определением и решался вопрос о признании того или иного эмигранта-революционера политическим эмигрантом.

По неполным данным, за период с октября 1917 г. до 1923 г. в Советскую Россию эмигрировало по политическим мотивам свыше 100 тыс. человек⁵. Некоторые сведения о численности политэмигрантов, прибывших в СССР в последующие годы, содержатся в исследовании О.А. Деля, который приводит, в частности, такие данные: с 1923 по 1932 гг. в Советский Союз приехало более десяти тысяч иностранных революционеров. В 1933 г. официальный статус политических эмигрантов получили 688 человек. В 1934–1935 гг. политическое убежище было предоставлено группе эмигрантов численностью около 2045 человек. Что касается немецких политэмигрантов, проживавших в СССР, то их общее количество по данным на январь 1937 г. достигало примерно четырех тысяч человек⁶.

Значительную помощь иностранным революционерам и коммунистам в решении воп-

росов обустройства в Советской республике оказывала Советская секция Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Эта организация была создана по предложению Советского правительства в 1922 г. В следующем году образовалась Советская секция МОПР. Организация занималась оказанием моральной, материальной, политической и юридической помощи жертвам классовой борьбы во всех странах мира⁷. В период, предшествовавший образованию МОПР, всеми делами, связанными с обеспечением политэмигрантов, занимался ВЦИК. В функции специального уполномоченного входило: прием политэмигрантов, обеспечение их жильем, денежным, продовольственным и вещевым довольствием, а также устройство на работу. В 1922 – 1923 гг. ВЦИК расходовал ежегодно на помощь политэмигрантам до 500 тысяч рублей⁸.

В конце 1922 г. в связи с увеличением притока политэмигрантов возникла необходимость создания более широкой организации, которая бы занималась делами политэмиграции. В начале января 1923 г. по предложению ВЦИК было учреждено Общество взаимопомощи политэмигрантам на территории СССР, которое призвало трудящихся СССР оказывать помощь политэмигрантам, прибывающим в советскую страну, денежными средствами, предметами первой необходимости, предоставлением работы. За период с февраля по июль 1923 г. Общество обеспечило жильем более 400 политэмигрантов и членов их семей, направило на лечение 165 человек и предоставило работу около 500 политическим эмигрантам⁹. В декабре 1923 г. Общество было ликвидировано, а его функции полностью перешли к МОПР.

Важным фактором социокультурной адаптации политических эмигрантов было то, что для них создавались специальные “Дома политэмигрантов”. В 1925 г. в Москве, Ленинграде, Одессе, Минске и Харькове Советская секция МОПР открыла специальные дома для приема и размещения политических эмигрантов. К началу 1926 г. на территории СССР уже функционировали девять Домов политэмигрантов, в которых иностранцы проживали в

течение двух первых месяцев с момента их приезда в Советский Союз. Следует отметить, что эмигрантские общежития были не просто местом размещения иностранцев, но и выполняли функции своеобразных культурных центров. Например, в Доме политэмигрантов в Москве велась большая политико-просветительная работа, для иностранцев проводились экскурсии, действовали краткосрочные курсы по изучению русского языка. В Доме политических эмигрантов в Ленинграде, организованном также на средства МОПР, в 1926 – 1927 гг. проживали 253 революционера из 12 стран Европы¹⁰.

В условиях массовой безработицы серьезной проблемой было трудоустройство политэмигрантов. С этой целью в 1925 г. при отделе ЦК МОПР СССР по делам политэмиграции была создана специальная комиссия, которая занималась вопросами трудоустройства иностранцев и оказания им медицинской помощи¹¹. В силу своего привилегированного общественного статуса политэмигранты, как правило, обеспечивались работой в первую очередь. Только за период с июля 1924 по март 1927 г. ЦК МОПР смог трудоустроить 5900 политических эмигрантов¹².

Наличие серьезных адаптивных установок у значительной части политэмигрантов позволяло им самостоятельно решать многие социальные проблемы, в том числе и вопросы трудовой занятости.

Весьма показателен в этом плане адаптивный опыт одного из наиболее известных политэмигрантов, швейцарского коммуниста Фридриха (Фрица) Платтена. Весной 1917 г. он сопровождал plombированный вагон, в котором В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев и другие большевики проехали из Швейцарии в Россию через территорию вражеской Германии. В январе 1918 г., когда на Ленина было организовано первое покушение, Платтен спас его жизнь, заслонив своим телом и получив при этом ранение. В 1919 г. он стал одним из основателей Коминтерна. В 1921 г. возглавил созданную при его непосредственном участии Коммунистическую партию в Швейцарии.

Постоянные преследования на родине вынудили Ф. Платтена в 1923 г. окончательно

эмигрировать в СССР, где он фактически проживал с 1919 г. Не надеясь в скором времени вернуться на родину, Платтен решил навсегда связать свою жизнь с СССР. Он принял советское гражданство, в 1923 г. вступил в члены ВКП (б). Его социокультурная адаптация в Советской России проходила быстро и успешно.

В 1923 г. он организовал в селе Новая Лава Сызранского уезда коммуны швейцарских рабочих эмигрантов. В СССР Платтен женился на сотруднице Коминтерна Берте Циммерман. В Советском Союзе вырос его сын Георг Платтен, который впоследствии стал советским офицером.

В течение всех лет пребывания в СССР Ф. Платтен был активнейшим образом включен в политическую и культурную жизнь страны. Он преподавал в качестве доцента в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, с 1931 г. работал в качестве старшего научного сотрудника Международного аграрного института в Москве, в его трудовой биографии была и партийная деятельность, и работа в качестве гида-переводчика “Интуриста”¹³.

Все факты биографии Ф. Платтена, даже изменение имени на русский лад (в России он стал Фрицем Петровичем), всё свидетельствовало о его глубокой социокультурной адаптации. Однако коренные насильственные изменения в общественной жизни и социально-экономическом строе, проведенные по воле партийного руководства, сопровождавшиеся государственным принуждением в форме массовых репрессий и террора, вызвали у значительного количества иностранцев, в том числе и у Платтена, процессы или состояния, обратные адаптации, то есть дезадаптацию.

Российский социолог Л.В. Корель отмечала, что “дезадаптация далеко не всегда предполагает разрушение внутренней структуры адаптанта. В состоянии дезадаптации субъект может находиться долгие годы. При этом дезадаптация к одним условиям среды может осуществляться на фоне успешной адаптации к другим”. Однако, как считает Корель, в случае “катастрофической дезадаптации” (автор этого термина – Л.В. Корель) может происхо-

дить распад внутренней структуры, “уничтожение” субъекта адаптации в физическом или социальном смысле¹⁴.

Последние годы жизни Ф. Платтена на территории СССР есть ни что иное, как катастрофическая дезадаптация. В 1937 г. он был исключен из партии в связи с арестом жены, которую расстреляли в том же году по приговору Военной коллегии Верховного суда, ей было всего 35 лет. Самого Платтена арестовали 12 марта 1938 г., в октябре 1939 г. приговорили к четырем годам лишения свободы. По официальной версии репрессивных органов, Ф. Платтен умер в заключении от упадка сердечной деятельности 22 апреля 1942 г. В 1956 г. Ф. Платтен был полностью реабилитирован¹⁵.

Формы социокультурного взаимодействия политических эмигрантов с советской социально-культурной средой отличались разнообразием и зависели от многих факторов: уровня культурного развития самого адаптанта, его психологии, образования, профессии, языковой подготовки, а также от конкретно-исторических условий той среды, с которой он взаимодействовал.

Среди политических эмигрантов было немало людей умственного труда. Интеллектуальные способности, знание языков значительно облегчали им контакты с культурной средой советского общества. Немецкий коммунист с 1919 г. Курт Никсдорф начал работу в Советском Союзе в 1928 г., тогда же он вступил в ряды членов ВКП (б). Более четырех лет он был редактором “Moskauer Rundschau”, и, по его словам, “немало сделал для пропаганды СССР среди западноевропейской интеллигенции”. В течение ряда лет Никсдорф в качестве доцента преподавал в Московском институте новых языков (ныне Московский государственный лингвистический университет), который с начала 1930-х годов готовил кадры квалифицированных переводчиков. В 1931 г. его учеником был В.М. Молотов, с которым Никсдорф индивидуально занимался немецким языком. Находясь в эмиграции в СССР, бывший немецкий коммунист увлекся творчеством А.С. Пушкина и начал собирать материалы для биографии Пушкина на немецком

языке, надеясь закончить работу к 1937 г., когда страна готовилась отметить столетие со дня смерти поэта. Столь успешная социокультурная адаптация политэмигранта К. Никсдорфа прервалась в 1935 г. Его исключили из партии, арестовали по подозрению в пропаганде националистических идей, далее – суд и приговор к заключению в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). Адаптироваться к лагерной жизни у Никсдорфа не было ни сил и ни желания. Уникальность его ситуации заключалась в том, что он не был советским гражданином. Но, наивно надеясь спасти свою жизнь, он решил обменять германское гражданство на свободу в СССР, то есть принять советское гражданство.

В сентябре 1935 г., уже будучи заключенным Сибирского ИТЛ, Никсдорф вторично обратился с письмом к председателю СНК В.М. Молотову, напомнив ему об их давнем знакомстве. В письме есть строки, объясняющие причины, по которым Никсдорф не мог адаптироваться к лагерной среде. “Рациональное использование моей рабочей силы здесь почти невозможно. Для постоянных физических работ я слишком больной и физически слаб; для конторской работы я недостаточно овладел русским языком”, – так комментировал свое пребывание в лагере бывший политэмигрант.

“Мое тяжелое положение здесь – без всяких перспектив – вынуждает меня просить Вашу помощь, – писал Молотову Никсдорф. – Я прошу Вас, дать мне возможность возвращаться к плодотворной и полезной работе где-нибудь в СССР, возвращаться к моей жене и маленькому сыну. Как знак моей лояльности к советской власти я отказываюсь от германского подданства, прошу быть советским гражданином”.

В.М. Молотов получил это письмо с припиской заместителя наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьева: “Считаю, что к пересмотру дела Никсдорф оснований нет”¹⁶. Как видим, и в данном случае государственное насилие в форме ареста и лишения свободы привело к дезадаптации социально активной личности, к уничтожению субъекта адаптации если не в физическом, то в социальном смысле.

Следует заметить, что не всегда и не у всех адаптантов столь глубокие потрясения, как арест и лишение свободы, приводили к катастрофической дезадаптации. Наличие незыблемых внутренних адаптивных установок позволяло субъекту адаптации успешно преодолевать адаптивные барьеры, используя такие нетипичные факторы социокультурной адаптации, как внутренняя целеустремленность, одержимость научными идеями, увлеченность профессией. Примером такой формы социокультурной адаптации может служить судьба знаменитого авиаконструктора Р.Л. Бартини.

В 1921 г. молодой летчик-офицер вступил в Итальянскую коммунистическую партию (ИКП), в следующем году окончил Миланский политехнический институт. После фашистского переворота в Италии в 1923 г. Р.Л. Бартини по решению ИКП был направлен в Советский Союз для помощи молодой республике в области авиации. Научная карьера итальянского политэмигранта была стремительной. В 1928 г. он уже возглавлял экспериментальную группу по проектированию гидросамолетов, в последующие годы претворял свои оригинальные научные идеи, работая в Особых конструкторских бюро (ОКБ). В 1937 г. Р.Л. Бартини был арестован, его обвинили в связях с “врагом народа” М.Н. Тухачевским, а также в шпионаже в пользу Муссолини, от которого он когда-то бежал в СССР. Бывшего политэмигранта приговорили к десяти годам лишения свободы. Этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы сконструировать несколько новых самолетов.

Заключенный конструктор Р.Л. Бартини, под присмотром органов госбезопасности, возглавил в ГУЛАГе тюремный научный коллектив в количестве 53 человек. Под его руководством группа заключенных специалистов разработала и спроектировала несколько вариантов транспортного самолета Т-117. Проведенные в начале 1946 г. гражданскими и военными научными институтами экспертизы подтвердили высокие летно-технические качества самолета¹⁷. В 1948 г. Бартини был освобожден из заключения. И снова работа в ОКБ, новые идеи, новые проекты. В 1956 г.

конструктора реабилитировали, а в 1967 г. наградили Орденом Ленина. Все биографические справки о Р.Л. Бартини начинаются словами “советский авиаконструктор”, что может, на наш взгляд, служить веским доказательством его глубокой социокультурной адаптации в Советском Союзе.

Большую роль в социокультурной адаптации политических эмигрантов, проживавших в Москве, играли клубы. В 1920-е годы в Москве функционировали немецкий, англо-американский, карело-финский, итальянский, венгерский, латышский клубы. Самым крупным по численности и наиболее влиятельным был немецкий коммунистический клуб. Как отмечал С.В. Журавлев, для большинства немцев, приехавших в СССР без семей и потому имевших достаточно много свободного времени, немецкий клуб стал привлекательным местом социально-культурного и политического общения и постепенной адаптации к советской жизни. Одних в первую очередь привлекала именно его социально-коммуникативная функция, в частности, общение на родном языке с людьми той же историко-культурной традиции и ментальности, получение оперативной информации о новостях на родине и т.д. Интерес других заключался в культурно-просветительских аспектах (участие в кружках по интересам и проч.) Для третьих важно было оказаться в среде единомышленников (большинство членов клуба были германскими коммунистами), для четвертых клуб был едва ли не единственной возможностью самореализации в чужой стране¹⁸.

Следует отметить, что очень многие политэмигранты считали свое пребывание в СССР временной и отчасти вынужденной мерой. Надеясь на скорую мировую революцию, которая позволила бы им беспрепятственно вернуться на родину, эмигранты не пытались достичь глубокой степени социокультурной адаптации в советском обществе. Не имея намерений оставаться в СССР навсегда, они в полной мере удовлетворялись поверхностной адаптацией, которая не предполагала глубокого освоения русского языка. Именно поэтому вся работа клубов велась на иностранных языках. Во второй половине 1920-х годов более

двух третей членов немецкого клуба не умели читать по-русски. По-видимому, для этого в тот период у них не было достаточных стимулов.

Работу немецкого коммунистического клуба курировал подотдел национальных меньшинств Агитпропотдела МК ВКП (б). В его функции входила организация культурно-политической работы среди национальных землячеств Москвы. Под таким руководством деятельность клуба постепенно приобретала все большую идеологическую направленность. Одним из важнейших направлений его работы стало политическое воспитание немецких рабочих московских промышленных предприятий, а также организация работы коммунистических ячеек на местах. В декабре 1927 г. клуб объединял 230 членов, из них только 19 человек были беспартийными. В пионерскую организацию при клубе входило 35 пионеров.

Что касается социально-профессионального состава членов, то более 40 % являлись служащими, 30 % рабочими, около 10 % студентами, остальные были домохозяйками, представителями свободных профессий и пенсионерами. Треть членов клуба составляли женщины, проявившие завидную общественную активность. Члены клуба представляли 60 московских предприятий, учреждений и организаций¹⁹.

Учитывая характер и масштаб деятельности клуба, его можно было бы охарактеризовать как культурно-политический центр московских немцев-эмигрантов, в основном коммунистов, в котором в середине 1920-х годов главная роль принадлежала политическим эмигрантам и штатным сотрудникам Коминтерна. Об основных направлениях политико-просветительной, культурной и воспитательной деятельности клуба можно судить по названиям действовавших при нем кружков, комиссий и уголков. В 1927 – 1928 гг. при клубе работали следующие кружки: политический, исторического материализма, марксизма-ленинизма, политэкономии, текущей политики, русского языка, шахматный, музыкальный, хоровой и радиокружок. В этот же период в клубе вели работу девять комиссий: организа-

ционная, культурная, библиотечная, пионерская, театральная, физкультурная, экскурсионная, домовая, шефская, а также редколлегия стенгазеты. Существовало три уголка – ленинский, пионерский и МОПР. Клуб периодически выпускал стенгазеты, для детей членов клуба выпускалась пионерская стенгазета.

Московский немецкий коммунистический клуб, число членов которого к середине 1930-х годов выросло до 600 человек, был закрыт в период массовых репрессий 1930-х годов. Существует мнение, что в последние годы своей деятельности клуб превратился в канал регулярной слежки за эмигрантами – за их поведением, разговорами, отношением к СССР. Руководству клуба вменялось в обязанность собирать компрометирующие материалы о членах клуба. Такие материалы переправлялись через Коминтерн в НКВД и нередко становились основанием для последующих арестов.

Для облегчения адаптации к новой социально-культурной среде многие политические эмигранты образовывали нечто вроде землячеств. Например, в 1923 – 1925 гг. венгры, чехи, болгары создали свои трудовые сельскохозяйственные и промышленные коллективы, однородные по национальному составу и состоящие из политических эмигрантов. Как известно, наличие этнической общины служит важным фактором социокультурной адаптации, но в отдельных случаях может выступать и в качестве барьера адаптации. Академик РАН Ю.А. Поляков писал по этому поводу: “Зависимость совершенно очевидна, – чем многочисленнее, организованнее, дееспособнее такая община, тем большую помощь она может оказать землякам в их адаптации. Впрочем, большое количество земляков может иметь и отрицательные последствия. В СССР было, к примеру, два главных иноземлячества – немецкое, образовавшееся после прихода Гитлера к власти в 1933 г., и испанское, возникшее после гражданской войны в Испании 1936 – 1939 гг. Значительная часть членов общин, находясь все время среди своих компатриотов, за 10 – 15 лет пребывания в России так и не научились сносно говорить по-русски”²⁰. Наиболее часто языковой барьер не удавалось преодо-

леть женам эмигрантов, имевшим узкий круг общения.

В начале 1930-х гг. главная роль в обслуживании политических эмигрантов по-прежнему отводилась Советской секции Международной организации помощи борцам революции. Согласно инструкции МОПР от 31 июля 1934 г., всем политэмигрантам, получившим этот статус в установленном порядке, гарантировались следующие социальные льготы: бесплатные жилплощадь, питание, необходимая одежда; денежное пособие в размере 50 рублей в месяц; амбулаторное, больничное и санаторное медицинское обслуживание; содействие в устройстве на работу; содействие в получении соответствующих документов на право пребывания в СССР; помощь в получении бесплатно из-за границы оставленных там вещей; содействие в пересылке иностранной валюты семьям, оставшимся за границей; содействие в приезде семей политэмигрантов в СССР; помощь членам их семей, прибывшим вместе с ними в СССР; выдача справки на прикрепление их к Инснабу (к конторе по снабжению иностранцев – *О.И.*). Все перечисленные выше льготы и виды помощи должны были оказываться политэмигрантам в течение двух лет после их прибытия в СССР. По особому решению ЦК МОПР срок оказания помощи мог быть продлен²¹.

Советские историки и коммунисты зарубежных стран чрезвычайно высоко оценивали деятельность МОПР. Часто цитировались слова Клары Цеткин, которая говорила о деятельности МОПР как о “героической оде, созданной миллионами безымянных и безвестных в честь миллионов безымянных и безвестных”²².

На наш взгляд, вряд ли имеет смысл преуменьшать заслуги МОПР в деле помощи политическим эмигрантам. Эта организация, безусловно, помогла определенной части иностранцев успешно адаптироваться к советской социально-культурной среде. Но и преувеличивать вклад МОПР в процесс социокультурной адаптации политэмигрантов вряд ли справедливо. В центре внимания этой влиятельной организации была, прежде всего, политическая элита, руководство зарубежных компар-

тий, работники Коминтерна и других международных организаций, в то время как сотни и тысячи рядовых эмигрантов, искавших и нашедших политическое убежище в СССР, мало привлекали внимание МОПР.

Совсем не “героической одой” представлялась деятельность МОПР многим политэмигрантам. Вот что писал немецкий политический эмигрант Франц Хубер 23 апреля 1939 г. в своем обращении к высшему партийному руководству страны и лидерам зарубежных компартий: “Дорогие товарищи, с современным положением немецких коммунистических эмигрантов в СССР, на советской родине я, как коммунист и член партии, ни в коей мере не могу согласиться. Жизнь значительной части немецких коммунистов в СССР очень тяжела. Уже в начале эмиграции у нас были трудности, которых можно было избежать. Я имею в виду, прежде всего, обслуживание политэмигрантов местными органами МОПР. Бессердечность, цинизм и бюрократическое отношение к эмигрантам – все это было стилем работы функционеров МОПР...”²³.

Примерно к середине 1930-х годов ВКП (б) и Исполком Коминтерна стали широко практиковать “избирательность” в отношении тех, кто претендовал на статус политического эмигранта. Предпочтение отдавалось лично известным руководству Коминтерна “нужным” людям, прежде всего, “функционерам, которые могли бы работать в стране”²⁴.

На процесс социокультурной адаптации политических эмигрантов большое влияние оказал вопрос о гражданстве. В 1920-е – начале 1930-х годов этот вопрос находился в личной компетенции каждого политэмигранта. Тот, кто принимал советское гражданство, принимал его либо добровольно, либо под давлением каких-то жизненных обстоятельств, но никогда – по прямому указанию “сверху”. С конца 1934 г. принятие советского гражданства становится обязательным условием для легитимации политических эмигрантов. В декабре 1934 г. Центральная легитимационная комиссия МОПР приняла следующую резолюцию: “1. При легитимации вновь при-

бывших политэмигрантов основная линия должна быть взята на то, чтобы каждый политэмигрант принял советское гражданство, причем этот вопрос должен оформляться путем подачи каждым политэмигрантом собственноручного заявления о его желании принять советское гражданство.

2. В соответствии с этой линией должна быть референтами ИК МОПР проведена соответственно разъяснительная работа с вновь прибывшими политэмигрантами”²⁵.

Кампания по переводу всех политэмигрантов в советское гражданство приняла особый размах после 1936 года. В случае если иностранец отказывался от принятия советского гражданства, его зачастую лишали вида на жительство, грозили высылкой за пределы СССР в течение 24 часов. Но ведь у многих политических эмигрантов уже были взрослые дети, имевшие советское гражданство. Отказаться от принятия гражданства СССР означало в такой ситуации отказаться от собственных детей.

Постепенно политические эмигранты из привилегированной, социально значимой части общества стали превращаться в группу людей, которым государство оказывало все меньше и меньше доверия. Их всё чаще стали подозревать в шпионаже, в них видели “вражеских агентов”, которых необходимо разоблачить с целью предотвращения провокаций. С 1935 г. в соответствии с указаниями ЦК МОПР в случае распределения политэмигрантов на работу вне Москвы их запрещалось посылать в портовые и приграничные города²⁶. Во второй половине 1930-х гг. само слово “политэмигрант” как-то незаметно приобрело негативный оттенок.

О.А. Дель, считавший, что процесс интеграции политических эмигрантов в советское общество, в целом, проходил “довольно быстро и с реальными успехами”, справедливо отметил, что вследствие политических чисток и массовых репрессий “все результаты, которых эмигрантам удалось добиться в процессе интеграции, были сведены к нулю. Они насильно были “выключены” из общественной жизни, фактически лишены всех прав, и брошены на произвол судьбы”²⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Население России в XX веке. В 3-х т. М., 2000. Т.1. С. 139.
- ² Уэллс Г. Письмо в ВОКС (1944 г.) // Исторический архив. 1961. № 4. С. 254.
- ³ Журавлев С.В. “Маленькие люди” и “большая история”: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000. С. 25.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 73. Д. 21. Л. 22.
- ⁵ См.: Львунин Ю.А. Борьба Коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР (1924 – 1928 гг.) М., 1975. С. 178.
- ⁶ См.: Дель О.А. От иллюзий к трагедии. Немецкие эмигранты в СССР в 30-е годы. М., 1997. С. 12-14, 111.
- ⁷ Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. С. 137.
- ⁸ См.: Львунин Ю.А. Борьба Коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР (1924 – 1928 гг.)... С. 179.
- ⁹ См.: там же.
- ¹⁰ См.: Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы... С. 138.
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 8265. Оп. 1. Д. 7. Л. 132.
- ¹² Там же. Д. 15. Л. 13.
- ¹³ См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 26-29, 792, 877.
- ¹⁴ Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 201.
- ¹⁵ См.: Реабилитация: как это было... Т. II. С. 792, 877.
- ¹⁶ Письмо заключенного К.О. Никсдорф В.М. - Молотову // Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002. С. 281-282.
- ¹⁷ См.: Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 372.
- ¹⁸ См.: Журавлев С.В. “Маленькие люди” и “большая история”... С. 97-98.
- ¹⁹ См.: там же. С. 99 –102.
- ²⁰ Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. М., 2006. С. 12-13.
- ²¹ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 110. Л. 138.
- ²² Цит. по: Львунин Ю.А. Борьба Коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР (1924 – 1928 гг.)... С. 184.
- ²³ Цит. по: Дель О.А. От иллюзий к трагедии... С. 89.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 735. Л. 91.
- ²⁵ Там же. Оп. 4. Д. 109. Л. 281.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 8265. Оп. 3. Д. 35. Л. 161.
- ²⁷ Дель О.А. От иллюзий к трагедии... С. 83, 91.

SOCIAL-CULTURAL ADAPTATION OF POLITICAL REFUGEES DURING THE 1920S-1930S IN THE SOVIET UNION

© 2006 O.V. Ivanova

Russian Institute for Cultural Research, Moscow

This paper analyses the characteristic aspects of the social-cultural adaptation of political refugees during the 1920s-1930s in the Soviet Union. It covers the work of organisations that contributed to the integration of foreigners in Soviet society, in particular shedding light on the experiences of well-known political refugees (such as F. Platten, K. Niksdorf, P. Bartini). This paper demonstrates how the politics of repression not only created a barrier against adaptation for most political refugees, but also how this repression caused “adaptation” to be replaced by “de-adaptation” in many cases.